

ЮРИЙ ШИБЛЕВ

КРУТ

18+

Юрий Шиблев

Круг

<https://litres.ru/74067789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автобус уходит, оставляя его одного на пустой остановке посреди октябрьского леса. Впереди — тропа, ведущая в глубь чащи. Он не знает, что ждёт его в конце пути. Он знает только, что обратного билета не купил.

За лесом, в посёлке, ему скажут про Круг — общину, о которой ходят странные слухи. Дальше — высокий частокол, за которым живут люди, называющие эту землю святой. Они не задают вопросов. Они не держат никого силой. Они просто ждут.

Это история о человеке, который приехал в глушь, чтобы найти ответы. И о месте, где ответы перестают иметь значение.

Юрий Шиблев

Круг

Дядя умер в апреле, когда город уже начинал оттаивать после долгой зимы, но в воздухе ещё стояла та особенная сырость, что бывает только ранней весной, не осенняя, не промозглая, а какая-то больничная, пахнувшая талым снегом, мокрым асфальтом и чем-то ещё, чего я не мог назвать. Рак. Долгая болезнь. Полгода в палате, где пахло хлоркой и варёной капустой, и редкие визиты, во время которых я сидел у его кровати и не знал, о чём говорить с человеком, который когда-то держал меня за руку в детстве, а теперь превратился в бледную тень самого себя, только кожа да кости, серое лицо, глаза, которые смотрели куда-то в потолок и видели там что-то, чего я не видел.

Он был очень замкнутым. Мало говорил. Много курил, пока мог. А когда не мог, то просто лежал и смотрел в окно, за которым ничего не было, кроме серого неба и голых веток тополя. Иногда он переводил взгляд на меня, он был долгий, изучающий, как будто хотел что-то сказать, но не решался. Я не спрашивал. Мне казалось, что ещё успею. Что смерть — это что-то, что случается с другими, не с нами. Я ошибался. Он умер в ночь на вторник, не сказав ни слова.

Квартиру я разбирал в мае. Она была маленькой, запущенной — старые обои в цветочек, продавленный диван, горы газет, которые он зачем-то хранил, хотя никогда не читал при мне. Пахло пылью, табаком и одиночеством и тем особенным запахом, который остаётся в жилье после смерти и не выветривается неделями. Я перебирал его вещи без цели, просто чтобы занять руки. Старые фотографии, на которых он был молодым и ещё не седым. Письма, которые он писал моей матери, но так и не отправил. Какие-то квитанции, рецепты, пустые пачки из-под сигарет.

И тетрадь.

Она лежала на антресолях, завёрнутая в целлофан и перемотанная скотчем, обычно так прячут то, что не должны найти, но и не могут выбросить. Чёрная обложка вся потёртая на сгибах. Страницы пожелтели и пахли старой бумагой и чем-то ещё неуловимым, не то землёй, не то дымом. Я открыл её тогда же, вечером, при свете настольной лампы, которая бросала на стол жёлтый круг света и оставляла всё остальное в темноте.

Я читал до утра.

То, что было написано в тетради, не походило ни на дневник, ни на исповедь. Это был голос. Чужой и в то же время

странно близкий. Человек, называвший себя Отцом, говорил о Круге — о святой земле, о договоре, о власти, которую ему дали люди, потому что хотели верить. Он писал, что никакой святой земли нет. Что всё это просто слова. Но люди верят словам. И пока они верят, Круг будет стоять. Я не верил в Бога. Не верил в святость. Но что-то в этом голосе меня зацепило, это не было смыслом, не идеей, а тоном. Человек, писавший это, не врал. По крайней мере, не врал себе.

Я закрыл тетрадь, когда за окном уже серело, и понял, что поеду. Хотя ещё не понимал зачем. Или понимал, но не хотел себе в этом признаваться.

Следующие несколько дней я провёл в странном состоянии, не в тревоге, не в решимости, а где-то между. Ходил на работу. Пил кофе. Отвечал на звонки. Но всё это было как во сне, как будто я уже был не здесь, а где-то там, в лесу, о котором писал Отец. Я пытался найти ответы в городе. Набирал в поиске слова из дневника — «Круг», «святая земля», «Отец», — но интернет молчал. Ссылки вели на пустые страницы. Форумы обрывались на полуслове. Как будто этого места не существовало или кто-то тщательно стёр все следы.

Я стал спрашивать у людей. Осторожно. Намёками. Друзья пожимали плечами. Коллеги смотрели с недоумением. И

только один знакомый, с которым мы когда-то вместе начинали, но давно разошлись по разным дорогам, отвёл меня в сторону и сказал вполголоса, оглядываясь, как будто нас могли подслушать: «Ты про лес спрашиваешь? Про тех, кто там? Не ищи в интернете. Они не любят, когда о них пишут. Но есть один человек. Он все расскажет, только не по телефону. Нужно встретиться лично».

Мы встретились через два дня в забегаловке на окраине — дешёвой, с липкими столами и запахом прогорклого масла, который въедался в одежду. За окном шёл дождь, он был мелкий, осенний, хотя была ещё весна, и струйки стекали по стеклу, искажая огни фар и вывеску гастронома напротив. Он ждал меня в углу, за дальним столиком, и когда я подошёл, не встал, не протянул руки, только кивнул на стул напротив. Ему было лет сорок, может, больше, но выглядел он старше. Его серое лицо, глубокие залысины, глаза, которые смотрели на тебя и одновременно куда-то мимо, как будто он видел что-то за твоей спиной, чего ты сам ещё не замечал. Он пил чай из треснувшей кружки и молчал, пока я не заговорил первым.

— Вы знаете про Круг?

— Знаю.

— Тогда расскажите.

Он поставил кружку, очень медленно, аккуратно, как ставят вещь, которая может разбиться и посмотрел на меня. Теперь уже прямо. Его взгляд был цепким, оценивающим, и под этим взглядом мне стало неуютно. Так смотрит человек, который знает о тебе больше, чем ты сам.

— Ты не первый, кто спрашивает. Многие спрашивают. Журналисты. Родственники. Просто любопытные. Но не многие едут. А ты поедешь. Я вижу.

— Почему вы так думаете?

— Потому что ты похож на него. — Он кивнул на мою сумку, где лежала тетрадь. — На того, кто это написал. Такие, как ты, либо сторают в городе, либо уходят в лес. Третьего не дано.

Я почувствовал, как внутри что-то сжалось, это был не страх, а скорее холодок, какой бывает, когда ты вдруг понимаешь, что твоя жизнь была не совсем твоей. Он не мог знать про тетрадь. Я никому о ней не говорил.

— Кто вы?

— Никто. — Он отвёл взгляд и уставился в кружку, на доньшке которой темнела чайная гуща. — Просто человек, который когда-то тоже спрашивал. И не поехал. А теперь помогает тем, кто готов. Если решишься то садись на автобус до конечной. Дальше пешком. Там увидишь тропу. Они тебя встретят.

— Кто — они?

— Ты все узнаешь.

Он допил чай, встал и ушёл, не попрощавшись. Я остался сидеть за липким столом, глядя на его пустую кружку, на дождь за окном, на огни вывески, которые расплывались в мокром стекле, и думал о том, что он сказал. «Ты похож на него». Откуда он знал, как выглядел автор дневника? Откуда он знал, что я поеду? И почему он сам не поехал и теперь, спустя годы, сидит в дешёвой забегаловке и отправляет других?

Я не знал ответов. Но через неделю я уволился с работы, закрыл квартиру на ключ и взял билет на автобус. До конечной. В один конец.

Автобус уходил тяжело, нехотя, переваливаясь на выбоинах разбитого асфальта, и я стоял на обочине и смотрел

ему вслед, пока красные габаритные огни не растворились в серой мороси, висевшей над лесом с самого утра. Двигатель ещё какое-то время гудел где-то за деревьями — низкий, надрывный звук, а потом и он исчез, съеденный тишиной, и я остался один.

Остановка была старой, довоенной ещё кладки — бетонный навес на покосившихся столбах, ржавый щит с расписанием, в котором невозможно было разобрать ни одной цифры, и только одна буква, не то «К», не то «Ж», ещё чернела на выцветшем фоне, как полустёртая память о том, что сюда когда-то ходили автобусы. Под навесом было сухо, это было единственное сухое место на многие километры вокруг, и там, в этой неестественной сухости, лежал смятый пластиковый стаканчик, занесённый ветром бог знает когда и с тех пор никем не тронутый, и край его чуть подрагивал от сквозняка — единственное движение на многие километры вокруг. Я смотрел на него и думал, что он здесь чужой как и я, как и всё, что попадает в эту глушь из мира, где есть асфальт, светофоры и тёплые остановки с крышей.

Я достал телефон. Экран загорелся, высветил пустые деления сети и короткое «Нет сигнала», и я убрал его обратно в карман куртки, чувствуя среднее между досадой и облегчением. В конце концов, я сам выбрал этот автобус. Сам взял билет до конечной. Сам сошёл здесь, хотя мог сойти на лю-

бой из предыдущих остановок и вернуться в город, где остались тёплая квартира, незаконченные дела и люди, с которыми мне больше не о чем говорить. Я не вернулся. Я стоял на краю леса, вдыхал сырой октябрьский воздух и понимал, что назад дороги нет, не потому что автобус не вернётся, а потому, что я не хочу, чтобы он возвращался.

Я закурил. Огонёк зажигалки вспыхнул и погас, оставив после себя запах горелого газа и первую струйку дыма, которую я втянул в лёгкие и выпустил обратно в серое небо, в сырой воздух, в морось, висевшую между деревьями как предчувствие зимы. Сигарета кончалась быстро, слишком быстро, и я курил её, не торопясь, оттягивая момент, когда придётся сделать первый шаг. За моей спиной, в городе, осталось всё, что составляло мою жизнь последние годы не зная, вернусь ли когда-нибудь, и тишина, которая поселилась в этих стенах после того, что случилось. Я не думал о том, что случилось. Я вообще старался не думать — мысли здесь были лишними, они мешали, они тянули обратно, а мне нужно было вперёд.

Лес начинался сразу за остановкой. Старый, смешанный, с почерневшими от сырости стволами и голыми ветками, которые переплетались над головой в сложный, нечитаемый узор, он стоял стеной — чёрной, мокрой, равнодушной, пахнувшей прелой листвой, мокрой корой и чем-то ещё, чем-то

древним, чего я не мог назвать, но что чувствовал кожей, как чувствуют приближение грозы. Я, выросший среди бетона и стекла, среди шума машин и гула проводов, смотрел на него и не понимал, как через него идти. Я никогда не был в лесу. Не в таком. В парке это да, в детстве, с матерью, по асфальтированным дорожкам мимо крашенных скамеек. Здесь не было дорожек. Здесь была тропа, узкая, едва заметная, вытопанная чьими-то ногами в раскисшей от дождей земле, и она уходила вглубь, в темноту между стволами, и не обещала ничего, кроме продолжения себя.

Я бросил окурок на землю и затоптал его. Пора было идти.

Сумка через плечо казалась невесомой, в ней лежало только самое необходимое: документы, немного денег, смена белья и старая тетрадь в чёрной обложке, которую я не открывал с тех пор, как нашёл её среди вещей умершего дяди. Я не знал, зачем взял её с собой. Вернее, знал, но не хотел себе в этом признаваться.

Тропа чавкнула под ногами, принимая мой вес. Земля здесь была мягкой, податливой, напитанной недавними дождями, и каждый шаг отдавался тихим звуком, который лес подхватывал и гасил, не давая разлететься эхом. Я шёл медленно, неуверенно, как ходят люди, не привыкшие ходить по земле. В городе под ногами всегда было что-то твёрдое, ас-

фальт, плитка, бетон и я никогда не задумывался о том, что земля может быть другой. Живой. Дышащей. Чужой.

Впереди было тихо. Так тихо, как не бывает даже в самой пустой городской квартире, потому что в городе всегда есть что-то: гул труб, шаги соседей за стеной, шум лифта, сирена скорой где-то вдалеке. Здесь не было ничего. Только лес, и небо, и я, чужой, лишний, как тот пластиковый стаканчик под навесом остановки.

Я поправил сумку на плече и пошёл дальше, не оборачиваясь — не потому, что не хотел, а потому, что знал: если обернусь, то увижу только пустую дорогу и серый туман, а это хуже, чем ничего.

Лес не кончался. Он тянулся во все стороны одинаково — серый, мокрый, равнодушный и чем дальше я уходил от остановки, тем больше мне казалось, что я иду не вперёд, а вглубь, в какое-то другое пространство, которое не измеряется километрами. В городе расстояние всегда имело смысл: от дома до метро пятнадцать минут, от метро до работы ещё десять, и ты знаешь, что если идти достаточно долго, то обязательно придёшь. Здесь этого знания не было. Здесь была только тропа, и деревья, и низкое небо над головой, и всё это никак не менялось, сколько бы я ни шёл.

Я остановился, чтобы перевести дух. Куртка, которая в городе казалась достаточно тёплой для октября, здесь, в лесу,

пропиталась сыростью и стала тяжёлой, как будто впитала в себя всю влагу, висевшую в воздухе. Джинсы ниже колен были в грязи. Ботинки, городские, на тонкой подошве, скользили на мокрой земле, и я уже дважды едва не упал, хватаясь за ветки, которые обламывались в пальцах — мёртвые, трухлявые, не держащие веса. Я не был готов к этому месту. Оно не было враждебным, оно просто не замечало меня, как не замечает море пловца, который слишком далеко заплыл и теперь не может вернуться.

Я достал сигареты. В пачке оставалось ещё с полдюжины, и я закурил, стоя посреди тропы и глядя на лес, который смотрел на меня дуплами, трещинами в коре, пустотами между ветками, он смотрел без злобы, без интереса, как смотрит на чужака старый зверь, не решивший пока, опасен этот чужак или просто мимо проходит. Дым поднялся вверх и растаял, и мне вдруг подумалось, что я первый раз за долгое время остался наедине с собой. Не в квартире, где всегда можно включить телевизор или открыть ноутбук. Не на улице, где всегда есть прохожие, машины, витрины. А по-настоящему наедине, так, что слышно собственное дыхание и собственные мысли, от которых я бежал последние месяцы.

Мысли были нехорошие. Они возвращались к тому, о чём я не хотел думать, к тому вечеру, который всё изменил, к лицу человека, которого больше нет, к звуку, который до сих

пор иногда снился мне по ночам. Я затаился ещё раз и заставил себя смотреть на деревья. Деревья были безопаснее.

Где-то вдалеке, за пеленой тумана, мне почудилось движение. Я замер, не донеся сигарету до губ, и прислушался. Ничего. Только ветер, только редкие капли, срывающиеся с веток. Я постоял так с минуту, чувствуя, как пульс медленно возвращается к норме, и сказал себе: показалось. Лес играет с воображением. В городе я не замечал за собой мнительности, но здесь, в тишине, любой звук казался значительным, а любая тень была угрожающей.

Я затоптал окурок и двинулся дальше.

Тропа начала петлять. Она обходила поваленные стволы, которые лежали поперёк дороги, как мёртвые великаны, обросшие мхом и грибами, ныряла в низины, где под ногами хлюпала вода, взбиралась на пригорки, с которых открывался всё тот же вид: лес, лес, лес, до самого горизонта, бесконечный, уходящий в никуда. Я перестал считать время. Телефон я отключил ещё на остановке, чтобы не тратить заряд, а часов у меня не было, осталось только внутреннее чувство, которое говорило, что я иду уже больше часа, а может быть, и два.

Потом лес начал меняться. Не резко, не вдруг — посте-

пенно, как меняется всё в природе. Сначала я заметил, что деревья стали реже. Потом что тропа стала шире, как будто по ней ходили чаще. Следом в воздухе появился запах, которого не было раньше: не прелая листва и не мокрая кора, а что-то другое. Дым. Пахло дымом, но не лесным пожаром, а печным, жилым, человеческим.

Я остановился. Сердце, которое весь последний час билось ровно и глухо, вдруг дало сбой, но не от страха, а от странного, почти забытого чувства. Там, впереди, были люди. Я ещё не видел их. Но я знал, что они там.

И я двинулся дальше, на запах дыма, который вёл меня теперь увереннее, чем тропа, и думал только о том, чтобы поскорее выйти к людям, хотя ещё утром я хотел быть один.

Я шёл на запах дыма, и лес постепенно отступал, не сразу, не резко, а так, как отступает вода во время отлива, оставляя после себя коряги, камни и мусор, принесённый течением. Деревья расступились, и тропа вывела меня на край широкой поляны, за которой начиналось что-то вроде просёлочной дороги, она была разбитой, с глубокими колеями, заполненными мутной водой, но всё же дороги, а не лесной тропы. Я остановился на краю леса и впервые за несколько часов увидел небо, не серые клочья между ветками, а целое небо, низкое, тяжёлое, но живое, с редкими просветами, в

которых угадывалось заходящее солнце.

Посёлок лежал в низине, у реки, которую я не заметил сразу, потому что она была такой же серой, как и всё вокруг. Домов было немного, может быть, двадцать, может быть, тридцать и они стояли вдоль единственной улицы, уходящей куда-то за холм. Дома были старые, деревянные, с почерневшими от времени срубами и покосившимися заборами, но в некоторых окнах горел свет, он был жёлтый, тёплый, почти нереальный после бесконечного серого леса. Над крышами поднимался дым, не столбами, а жидкими прядями, которые ветер тут же прибивал к земле, и от этого казалось, что посёлок не стоит на месте, а медленно, неуверенно дышит.

Я вышел на дорогу и двинулся к домам. Ботинки тут же увязли в грязи, здесь на открытом месте, земля была ещё более раскисшей, чем в лесу, и каждый шаг давался с усилием. Я думал о том, как выгляжу со стороны: чужой, городской, в кожаной куртке и с сумкой через плечо, идущий неизвестно откуда и неизвестно зачем. В городе на меня никто не обращал внимания, ведь там каждый был сам по себе. Здесь, я чувствовал, на меня смотрели. Ещё не видя людей, я уже знал, что они здесь и что они заметили меня раньше, чем я заметил их.

Первым, кого я увидел, был старик. Он сидел на лавке у

крайнего дома, закутанный в старый ватник, и курил, глядя на дорогу. Его лицо было тёмным от загара и ветра, а глаза были светлые, выцветшие, как старая джинса, они смотрели на меня без интереса, но и без враждебности. Он проводил меня взглядом, не сказав ни слова, и только когда я поравнялся с ним, коротко кивнул, но не мне, а скорее своим мыслям, как будто подтверждая что-то, что он знал заранее.

Я прошёл мимо. Улица была пуста, но я чувствовал присутствие людей за заборами, за занавесками, в тёмных проёмах окон. Где-то скрипнула дверь. Где-то звякнула цепь — собака, которую я не видел, но которая, видимо, сидела на привязи и не лаяла, а только слушала. Тишина здесь была другой, чем в лесу, она была не пустой, а наполненной, как будто кто-то только что говорил и замолчал при моём появлении.

На перекрёстке, если это конечно можно было назвать перекрёстком место, где от главной улицы отходила ещё одна, ещё более разбитая, уходящая к лесу стоял колодец. Старый, с деревянным срубом и ржавой цепью, на конце которой болталось пустое ведро. Рядом с колодцем стояла женщина, она была пожилая, в платке и тёмной длинной юбке и набирала воду. Она обернулась, когда я подошёл, и посмотрела на меня без испуга. Скорее с любопытством, как смотрят на редкую птицу, залетевшую не в те края.

— Здравствуйте, — сказал я.

Она не ответила. Только оглядела меня с ног до головы, неспешно и вернулась к своему ведру. Я постоял ещё немного, чувствуя себя глупо, и уже хотел идти дальше, когда она заговорила, не оборачиваясь:

— Ты явно не местный.

— Нет.

— Ты идешь к Кругу?

Слово упало в тишину, как камень в колодец, так же глубоко, с отяжкой. Я не сразу понял, что она имеет в виду, а когда понял, то не нашёлся, что ответить. Она выпрямилась, держа ведро в обеих руках, и посмотрела на меня всё с тем же спокойным, изучающим выражением.

— Иди дальше по дороге, — сказала она. — У леса. Там они.

И пошла прочь — медленно, тяжело, неся полное ведро перед собой, и вода чуть выплёскивалась через край, оставляя на земле тёмные пятна.

Я стоял у колодца и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Ведро на цепи чуть покачивалось от ветра. Где-то далеко, за домами, залаяла собака и снова стихла. Я достал сигареты, закурил и двинулся дальше по улице, туда, где, по словам старухи, был этот самый Круг.

Слово звучало у меня в голове и не желало уходить. Круг. Она сказала это так, как говорят о чём-то известном и одновременно запретном, но не для чужих ушей, а для тех, кто понимает. Я не понимал. Я только знал, что в тетради, которую я вёз с собой, это слово встречалось чаще других, и каждый раз оно было написано с большой буквы, как будто автор не мог позволить себе писать его иначе. Круг. Замкнутая линия. То, что внутри, и то, что снаружи. То, из чего нельзя выйти.

Я докурил и пошёл дальше. Посёлок кончался так же внезапно, как и начался, — последним покосившимся домом с заколоченными окнами, за которым снова начинался лес. Дорога сужалась, превращаясь обратно в тропу, но теперь это была не та тропа, что вела меня от остановки, эта была шире, утоптаннее, с колеями от телеги или чего-то похожего. И в конце этой тропы, у самой кромки леса, темнел частокол.

Высокий, выше человеческого роста, сложенный из заост-

рѐнных брѐвен, он выглядел так, будто стоял здесь вечность. Брѐвна почернели от времени и сырости, кое-где между ними пробивался мох, но частокол не казался заброшенным а наоборот, от него веяло спокойной, уверенной силой. За ним что-то было. Что-то, ради чего я сюда ехал.

Ворота были открыты.

Я остановился перед ними, чувствуя, как сердце снова даёт сбой, но теперь уже не от предвкушения, а от чего-то другого. От мысли, что ещё можно повернуть назад. Что ещё не поздно. Я стоял и смотрел на открытые ворота, и где-то там, за ними, в глубине, слышался неясный шум, это были голоса, шаги, скрип, звуки жизни, которая текла своим чередом и которой не было до меня никакого дела.

Я снова поправил ляжку на плече и шагнул вперѐд. Земля под ногами была всё той же раскисшей, серой, но мне вдруг показалось, что она стала теплее. Или это только казалось.

За воротами начиналась другая жизнь. Не та, что осталась в городе, и не та, что была в лесу, а какая-то третья, со своими законами, звуками и запахами. Я перешагнул порог и остановился, пытаюсь охватить взглядом всё сразу: несколько строений, разбросанных по широкой поляне, огород с почерневшими стеблями, оставшимися от лета, поленницу у

дальней стены, колодец — почти такой же, как в посёлке, только новее и с исправной цепью. Между строениями ходили люди, это мужчины и женщины, одетые одинаково, в тёмное, простое, без украшений и ярких пятен. Они двигались неспешно, но целеустремлённо, каждый по своему делу, и на меня никто не обратил внимания. Вернее обратили я почувствовал эти взгляды, быстрые, скользящие, но никто не остановился, не подошёл, не спросил, кто я и зачем пришёл. Как будто моё появление было частью распорядка, ожидаемым и не заслуживающим особого интереса.

Я сделал несколько шагов вглубь, не зная, куда идти и к кому обратиться. Земля здесь была утоптанной, почти твёрдой, без той лесной податливости, от которой за несколько часов пути у меня начали болеть ноги. Посреди поляны, на открытом месте, стоял большой сруб это видимо была общая трапезная или что-то вроде того и оттуда тянуло всё тем же печным дымом, но теперь к нему примешивался запах еды. Простой, грубой, но еды: варёных овощей, хлеба, может быть, каши. Я вдруг понял, что голоден. Последний раз я ел вчера вечером, в городе, перед тем как сесть на автобус.

— Ты к нам надолго?

Голос раздался сбоку, и я обернулся. Мужчина лет пятидесяти стоял в нескольких шагах от меня, засунув руки в кар-

маны тёмной куртки, и смотрел спокойно, без угрозы, но одновременно чувствовалось напряжение. Он был невысоким, коренастым, с седыми висками и лицом человека, который много времени проводит на воздухе — обветренным, дублённым, с сеткой морщин вокруг глаз. Глаза были светлые, серые, и смотрели они на меня с тем же выражением, с каким смотрела женщина у колодца: изучающе, но без враждебности. Как на вещь, которую нужно оценить, прежде чем решить, что с ней делать.

— Пока не знаю, — ответил я. — Может быть.

Он кивнул — так же коротко и скупно, как старик на лавке в посёлке. Как будто все они здесь сэкономили движения и слова, оставляя их для чего-то более важного, чем разговор с чужаками.

— У нас тут тихо, — сказал он. — Работаем, молимся, просто живём. Никто не лезет в чужую жизнь. Ты не лезь, и к тебе не полезут. Переночуешь и решишь, что делать дальше.

Я кивнул, не зная, что ответить. Он постоял ещё немного, разглядывая меня, потом коротко представился:

— Николай.

И протянул свою руку, сухую, крепкую, с мозолями на ладони. Я пожал её и назвал своё имя. Он снова кивнул и, не сказав больше ни слова, повернулся и пошёл куда-то к дальним строениям, оставив меня одного посреди поляны.

Я стоял и смотрел, как он уходит — невысокая, но уверенная фигура и думал о том, что он сказал. «Никто не лезет в чужую жизнь». Это звучало как обещание и как предупреждение одновременно. В городе люди давно перестали давать друг другу такие обещания, там каждый жил сам по себе, и границы были невидимыми, но прочными. Здесь граница была проще: не лезь, и к тебе не полезут. Правило, которое я понимал.

Я огляделся. Люди всё так же занимались своими делами — кто-то нёс дрова, кто-то скрылся за дверью одного из строений, кто-то склонился над огородом, перебирая руками землю. Никто не смотрел на меня дольше секунды. Я был здесь, но меня как будто ещё не существовало. Я был тенью, которая только начала обретать очертания и которую ещё не приняли за свою.

Я двинулся к тому месту, откуда пахло едой. Сейчас мне нужно было поесть, согреться и найти угол, где можно будет переночевать. Всё остальное потом.

Трапезная оказалась именно тем большим срубом, который я заметил с поляны. Внутри было тепло и помещение тонуло в легкой полутьме, свет давала только пара керосиновых ламп, подвешенных к потолочным балкам, да огонь в большой печи, сложенной из дикого камня у дальней стены. Воздух был густым от запахов: варёная капуста, ржаной хлеб и что-то ещё сладковатое, может быть сушёные травы, развешанные под потолком пучками. Длинные столы стояли рядами, как в армейской столовой, и за ними сидели люди, их было десятка полтора, не больше, все они склонились над мисками. Разговоров почти не было слышно, только стук ложек о дерево и редкий, приглушённый голос.

Я взял миску с полки у входа, получил порцию каши и кусок хлеба от немолодой женщины, которая орудовала половником молча, не глядя на меня и сел с краю у стены, чтобы никому не мешать и не привлекать внимания. Каша была пресной, без соли и масла, но горячей, и я ел её, чувствуя, как тепло разливается по телу после долгого холода. Хлеб был грубым, с отрубями, но свежим, и его запах странно успокаивал, как будто напоминал о чём-то из детства, чего я уже не мог ясно вспомнить.

Я ел и смотрел на людей. Все они были разными — мужчины и женщины, молодые и пожилые, но в их лицах было что-то общее. Не черты, не возраст, а выражение: спокой-

ное, сосредоточенное, без той суеты и напряжения, которые я привык видеть в городе. Они не спешили. Они не смотрели по сторонам. Они были здесь и сейчас, полностью погружённые в простое действие — еду, и от этого казались старше своих лет, мудрее, что ли, хотя я знал, что мудрость тут ни при чём. Просто другой ритм жизни. Другая скорость. Та, к которой я ещё не привык.

Она села напротив.

Я заметил её не сразу, потому что она подошла тихо, поставила миску на стол и опустилась на лавку напротив меня, не спросив разрешения, но и не вторгаясь в моё пространство. Ей было около двадцати пяти, может быть, чуть больше. Тёмные волосы убраны под платок, но несколько прядей выбились и лежали на висках, влажные от пара. Лицо спокойное, с правильными чертами, без косметики, без следов усталости, такое лицо могло быть у учительницы, у библиотекаря, у кого угодно, кто живёт размеренной жизнью и не тратит время на пустое. Но глаза были светлые, серо-зелёные и смотрели на меня с интересом, который она не пыталась скрыть.

— Ты новенький, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да, — ответил я, откладывая ложку.

— Я Анна. — Она чуть улыбнулась, и улыбка была спокойной, такой же, как у всех здесь: без лишнего, без заискивания. — Я помогаю новым людям освоиться. Если будут вопросы, то не стесняйся спрашивать.

Я кивнул. Она не уходила. Сидела и ела свою кашу, все так же медленно, аккуратно и я чувствовал, что она ждёт. Не вопросов. Скорее всего, она ждала, когда я сам начну говорить. Это было не давление, она не давила, а скорее это похоже на приглашение. Как будто она говорила: «Я здесь. Если захочешь — расскажешь. Если нет то я просто посижу рядом».

— Вы здесь давно? — спросил я, чтобы не молчать.

— Достаточно, — ответила она. — Пришла сюда три года назад. С мужем. Он не остался. Я осталась.

Она сказала это так просто, что я не сразу понял смысл. Муж не остался. Ушёл? Умер? Она не уточняла, а я не стал спрашивать, ведь в конце концов, мы сидели за одним столом всего пять минут.

— Здесь очень тихо, — сказал я, чтобы не уходить в молчание.

— Здесь всегда тихо, — ответила она, и в её голосе мне почудилась тень чего-то — не печали, а скорее усталости, старой, привычной, как заношенная вещь. — Ты скоро при-
выкнешь.

Я доел кашу и отодвинул миску. За окнами уже темнело — осенний день короток, и сумерки наступали быстро, сгущаясь между строениями, как холодная вода. Анна поднялась, взяла свою миску и мою, поставила их на полку у выхода.

— Пойдём, — сказала она. — Я покажу тебе где можно переночевать.

Мы вышли из трапезной в холодный, сырой вечер. На поляне почти никого не было, только в дальнем конце кто-то шёл с фонарём — жёлтая точка качалась в темноте, как светляк. Анна привела меня к одному из строений у частокола, маленькому, с низкой дверью и единственным окном, затянутым мутной плёнкой вместо стекла. Внутри была келья: кровать с деревянным остовом, стол, табурет, свеча в жестяной банке. Стены голые, пол дощатый, выскобленный до светлого. Ничего лишнего.

— Располагайся, — сказала Анна, стоя в дверях. — Утром

услышишь колокол — это на молитву. Потом завтрак. Потом работа. День здесь простой. Привыкнешь.

Она помедлила, как будто хотела сказать что-то ещё, но не стала. Просто кивнула и вышла, прикрыв за собой дверь. Её шаги затихли где-то на тропе.

Я остался один. Сев на кровать, я поставил сумку на пол и впервые за день позволил себе не двигаться. Тишина здесь была такой же глубокой, как в лесу, но другой, не пустой, а жилой. Где-то за стеной, в соседней келье, кто-то кашлял. Где-то далеко скрипнула дверь. Потом всё стихло.

Я достал из сумки тетрадь в чёрной обложке, положил её на стол, но не открыл. Свеча горела ровно, без копоти, и её свет ложился на дощатый пол жёлтым кругом, как маленькое солнце, которое я принёс с собой в эту тёмную комнату. Я смотрел на него и думал об Анне, о том, как она смотрела на меня, о том, как сказала: «Муж не остался. Я осталась». И о том, что в этой фразе было больше правды, чем она, возможно, хотела показать.

Я задул свечу и лёг, не раздеваясь. Кровать была жёсткой, пахла деревом и чем-то сухим, было похоже на сено и травы, и этот запах успокаивал. За окном, затянутым мутной плёнкой, не было видно ни звёзд, ни луны, только глухая и

плотная темнота, в которой лес и небо сливались в одно. Я закрыл глаза и стал ждать утра.

Я проснулся от холода. Не от того холода, что бывает в городе, когда батареи ещё не включили и ты кутаешься в одеяло, надеясь, что утро наступит быстрее, а от другого, глубинного, который забирается под одежду и остаётся там, сколько ни дыши на ладони. Окно едва пропускало свет, он был серый, размытый, какой бывает только в октябре, когда солнце уже не поднимается высоко, а только обозначает своё присутствие где-то за облаками.

Я сел на кровати и прислушался. Тишина была полной — ни колокола, ни шагов, ни голосов. То ли я проснулся раньше всех, то ли здесь вообще не принято начинать день с шума. Я не знал, который час. Телефон я отключил ещё на остановке, чтобы не тратить заряд, а часы в келье отсутствовали, была только свеча, стол, табурет и кровать, на которой я спал не раздеваясь.

Я потянулся, чувствуя, как затекло тело после долгого пути и жёсткого матраса, и вдруг вспомнил про тетрадь. Она лежала на столе — чёрная, потёртая на сгибах, с картонной обложкой, которую дядя когда-то обернул целлофаном, чтобы не истрепалась. Я смотрел на неё и думал, что откладывать дальше некуда. Я приехал сюда не ради каши и не ра-

ди разговоров с незнакомыми людьми. Я приехал из-за того, что было написано в этой тетради. И если я хотел понять, зачем я здесь, мне нужно было её открыть.

Я взял тетрадь, сел на кровать, придвинувшись ближе к окну, чтобы поймать остатки света, и открыл первую страницу.

Почерк был неровным — не старческим, не дрожащим, а скорее неровным от напряжения, с каким пишут, когда слова важнее, чем буквы. Строчки прыгали, буквы наезжали друг на друга, но написанное было можно. И я начал читать.

«Я пришёл сюда никем. У меня не было имени, которое стоило бы помнить и не было прошлого, которое стоило бы оплакивать. Я шёл через лес, потому что больше некуда было идти, и когда вышел на эту поляну — пустую, мокрую, залитую осенним светом, я вдруг понял: здесь можно начать заново. Не жизнь начать — себя.»

«Первые люди пришли через месяц. Они были голодные, испуганные, потерянные. Им нужно было, чтобы кто-то сказал: всё будет хорошо. Я сказал. Потом им нужно было, чтобы кто-то сказал: делай так. Я сказал. Потом им нужно было, чтобы кто-то сказал: я знаю волю Бога. И я сказал. Не потому что верил — потому

что они хотели верить. Я дал им то, чего они хотели. А они дали мне власть.»

Я остановился и перечитал последнюю фразу. «Они дали мне власть». Не Бог. Не судьба. Они. Люди, которые пришли сюда и поверили. Я не знал, верить ли написанному. Это мог быть бред, фантазия, чужая исповедь, не имеющая ко мне отношения. Но что-то в этих словах цепляло, но не смыслом, а тоном. Человек, писавший это, не врал. По крайней мере, не врал себе.

Я перевернул страницу.

«Власть — это не сила. Власть это когда ты говоришь человеку: «Твоя боль имеет смысл», и он верит. Когда ты говоришь: «Твой грех будет прощён», и он плачет от облегчения. Когда ты говоришь: «Ты нужен», и он отдаёт тебе жизнь. Я говорил это сотни раз. И каждый раз это работало.»

«Но есть вещь, которую я понял слишком поздно. Нельзя давать людям то, чего они хотят, бесконечно. Рано или поздно они захотят того, чего ты не можешь дать. И тогда ты должен либо признать, что ты не бог, либо сделать так, чтобы они перестали хотеть. Я выбрал второе. Боль — хороший учитель. Голод — хороший

учитель. Страх — хороший учитель. Тот, кто проходит через них, перестаёт хотеть. Он начинает слушаться.»

«Я не всегда был здесь. Когда-то у меня был дом, работа, жена. Я работал с людьми, не с теми, что приходят за советом, а с теми, что приходят за приговором. Я решал, кому жить, а кому умереть. Не Бог, а просто чиновник. Но разница невелика. Подпись на бумаге и человека нет. Подпись на другой бумаге и человек жив. Я ставил подписи. Много подписей. Слишком много, чтобы помнить каждую.»

«Одну я запомнил. Это был мужчина. Молодой, он был моложе меня тогдашнего. У него была семья: жена, дочь. Он просил не за себя — за них. Он стоял на коленях в моём кабинете, и я видел его затылок — светлые волосы, уже редющие к макушке и думал о том, что он похож на моего брата. Брат умер за год до этого. Я не помог ему. Я мог — но не помог.»

«Я мог помочь и этому. Но не помог. Я поставил подпись. Он ушёл — не из кабинета, из жизни. Его жена повесилась через месяц. Дочь я потерял из виду. Может быть, она ещё жива. Может быть, нет. Я не искал.»

«Я думал, что забуду его. Не забыл. Его лицо приходило ко мне по ночам, не во сне, а в той тишине между

сном и бодрствованием, когда ты ещё не спишь, но уже не властен над своими мыслями. Я бросал пить и лицо возвращалось. Я менял женщин, оно снова возвращалось. Я ушёл из города, из дома, из жизни, но лицо осталось. Оно стёрлось только здесь. Не сразу. Понадобились годы. Понадобилась эта земля, эти люди, эта власть. Но теперь его нет. Теперь есть только Круг.»

«Я пишу это не для того, чтобы оправдаться. Я знаю, что я сделал. Я знаю, что заслужил смерть если бы верил в справедливость. Но справедливости нет. Есть только договор. И я заключил свой — с этой землёй, с этими людьми, с самим собой. Я держу их. Они держат меня.» «И когда я умру, кто-то другой займёт моё место и будет держать их дальше. Может быть, он тоже убил. Может быть, он тоже не может забыть. Может быть, именно поэтому он поймёт.»

За стеной что-то скрипнуло. Я поднял голову и прислушался. Шаги, чьи-то шаги по тропе, быстрые, лёгкие. Я закрыл тетрадь, сунул её под подушку и замер. Шаги приблизились, на мгновение замерли у моей двери и прошли мимо. Я выждал ещё минуту, но больше ничего не услышал.

Я не стал продолжать чтение. С меня хватило. Я оделся и вышел из кельи.

На поляне было пусто и серо. Утренний туман висел над землёй, и фигуры людей, двигавшиеся между строениями, казались в нём тенями, такими же неясными, размытыми, как будто они ещё не до конца проснулись для дневного мира. Пахло дымом и сыростью. Где-то далеко за частоколом, хрипло и одиноко каркнула ворона.

Я двинулся к трапезной, чувствуя, как прочитанные слова оседают внутри тяжёлым осадком. «Боль — хороший учитель. Голод — хороший учитель. Страх — хороший учитель». Я повторял их про себя и думал о человеке, который это написал. Он был здесь, на этой земле, в этом самом месте. Он тоже стоял на этой поляне, смотрел на этот лес и решал, кем ему стать. И он стал богом. Или тем, кого называли богом.

Колокол прозвенел, когда я уже подходил к трапезной. Низкий, глухой удар поплыл над поляной, и люди вокруг задвигались быстрее, но всё равно без суеты, как будто колокол был не приказом, а приглашением, от которого можно отказаться, но никто не отказывался. Я пошёл на звук. Молитва. Потом завтрак. Потом работа. День здесь простой. Так сказала Анна. И я решил, что пока буду следовать этому распорядку. Просто чтобы понять, куда я попал. Чтобы решить, что мне делать дальше.

Молельный дом стоял чуть поодаль от остальных строений, это был длинный, приземистый сруб без окон, с единственной дверью, над которой темнела простая деревянная перекладина без креста, без надписей, без намёка на то, кому здесь молятся. Я вошёл последним, прикрыв за собой тяжёлую дверь, и остановился у порога, пытаюсь привыкнуть к полумраку.

Внутри пахло воском, деревом и чем-то кисловатым, не то ладаном, не то сушёными травами, которые тлели в плошке у дальней стены. Пол был устлан досками, выскобленными до блеска, и на них, рядами, стояли на коленях люди. Ни скамей, ни стульев, ни алтаря в привычном понимании, только дощатый пол, тёмные стены и узкий стол у дальней стены, на котором горела одинокая свеча. И всё. Ни икон, ни крестов, ни образов. Я не знал, чего ожидал — может быть, чего-то похожего на деревенскую церковь, с позолотой и ликами святых, но здесь не было ничего такого. Только пустая стена, свеча и тишина.

Я опустился на колени с краю, у самой двери, стараясь не шуметь. Пол был твёрдым, и колени тут же отозвались болью, я не привык стоять на коленях, но я терпел. Все молчали. Никто не читал молитв вслух, никто не пел, никто не произносил проповедей. Каждый стоял на коленях сам по себе,

глядя перед собой, кто-то, закрыв глаза, кто-то уставившись в стену и молча. Это молчание было не пустым, а наполненным, как будто каждый вёл беззвучный разговор с чем-то, чего я не видел и не понимал. Я не молился. Я просто стоял на коленях, слушал тишину и думал о том, что прочитал в тетради.

И вдруг, на мгновение, не дольше удара сердца мне показалось, что в тишине прозвучал голос. Не слова, а звук. Короткий, влажный, похожий на последний выдох. Я вздрогнул и открыл глаза. Вокруг было по-прежнему тихо. Никто не смотрел на меня. Никто ничего не слышал. Я сказал себе: показалось. Лес. Ветер. Старые доски. Но сердце колотилось ещё долго.

Боль — хороший учитель. Голод — хороший учитель. Страх — хороший учитель. Я повторял эти слова про себя, и они странно рифмовались с тем, что я видел сейчас: колени на голых досках, прямая спина, взгляд в пустоту. Может быть, этот человек, написавший тетрадь, стоял здесь точно так же, перед пустой стеной, без икон, без ответов. И эта мысль не пугала меня. Она казалась странно правильной.

Молитва кончилась так же беззвучно, как и началась. Люди один за другим поднимались с колен, разминая затёкшие ноги, и выходили наружу, в серый утренний свет. Я поднялся последним. Анна ждала меня у двери.

— Ты не молился, — сказала она.

Это был не упрёк. Скорее это наблюдение. Она смотрела на меня спокойно, без осуждения, и в её глазах снова был тот самый интерес, который я заметил ещё вчера, в трапезной.

— Я не знаю слов, — ответил я. Это была правда.

— Здесь не нужны слова. — Она чуть пожала плечами и поправила платок, сползший на лоб. — Здесь каждый говорит с Богом сам. Или не говорит. Это никого не касается.

— И часто так? — спросил я. — Молча?

— Каждое утро. Каждый вечер. — Она посмотрела на меня и вдруг улыбнулась — легко, почти незаметно. — Ты обязательно привыкнешь.

Она повернулась и пошла к трапезной, а я остался стоять у двери молельного дома, глядя, как её фигура удаляется в тумане. «Здесь каждый говорит с Богом сам». Это звучало иначе, чем всё, что я слышал о вере раньше. В городе вера всегда была чем-то внешним: обряды, правила, посредники. Здесь не было посредников. Только ты и пустая стена. И молчание. И тишина, которая слушала тебя или делала вид что слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.